

AZƏRBAYCAN DEVLET ELMİ TƏDKİKAT INSTITUTU
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ИЗВЕСТИЯ АзГНИИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ и АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Том I.

Выпуск 5.

И. ПЕТРУШЕВСКИЙ

О ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЯХ КРЕСТЬЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзГНИИ

Баку

1930

нам придется говорить ниже. Жизненность их покоялась на незыблности и известной застойности социальных отношений и хозяйственного уклада в деревне. Это в особенности верно по отношению к территории древней Агвании—нынешнего Азербайджана и, в частности, Нагорного Карабаха.

Археологические экспедиции по Азербайджану И. И. Мещанинова и др. за последние годы позволили с очевидностью установить, что дожившее до наших дней в области Восточного Малого Кавказа земледельческо-полукочевое хозяйство держалось здесь без особых изменений со временем халдских вторжений. Дохристианские верования не только держались, но оказались, как утверждает Н. Я. Марр, активными в Грузии и Армении еще в XII—XIII в.в., и притом не исключительно в земледельческой среде. Проявлением их в эту эпоху, был, между прочим, культ идеализированной женщины и „святой“ экстатической любви, нашедшей отражение и у Шота Руставели¹³.

В дальнейшем, особенно с XVII—XVIII в.в., из внутренней жизни армянской церкви вытравливается почти совершенно религиозное содержание, и церковь превращается в „миллет“, в национальную общину, сохранившую религию почти исключительно в качестве палладиума национальности; эта община, номинально возглавляемая духовенством, была в эту эпоху представительством городской торговой буржуазии и отчасти феодальных элементов, поскольку они кое-где сохранились (ишханы и мелики в Лори, Карабахе и Ути). Со второй половины XIX века, с развитием буржуазно-националистического движения, армянская церковь перестает играть роль главной представительницы нации, превратившись в простой придаток и орудие в руках политических организаций, в последнем десятилетии XIX и в первой четверти XX века—преимущественно Дашибакутюна. Масса, в конце-концов, перестает видеть в церкви религиозный институт, чувствует в ней почти такую же национально-политическую организацию, как и политические партии буржуазии и мелкой буржуазии.

Это обстоятельство, с одной стороны, облегчало положение крестьянского культа (церковь, занятая вопросами высокой политики, перестала интересоваться им), с другой стороны, в конечном счете, оно не могло сделать церковь более популярной в глазах крестьянской массы, а, наоборот, могло только еще больше подточить корни и без того не крепкой в массе церковной веры. Политическое банкротство буржуазных партий и самой идеологии буржуазного национализма не могла не отразиться и на влиянии церкви в крестьянстве. Политика дашибакутюнов во время империалистической войны 1914—1918 г.г. и гражданской войны в Закавказье 1919—1920 г.г. с их тактикой кровавых авантюри и искусственного разжигания чуждой крестьянству национальной вражды во имя призрака великого Айастана „от моря до моря“, политика, повлекшая за собой физическое истре-

¹³ Н. Я. Марр. Тексты и розыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. XIII. СПБ. 1910.

бление доброй половины армянского народа, дискредитировала в глазах массы церковь не только как религиозный институт, но и как национальную организацию. А советизация Армении и армянских территорий Закавказья, избавившая армянское крестьянство от его „опекунов“ и „благодетелей“—дашибакутюнов и других буржуазных националистов и разрешившая проблему национального бытия айастского народа, сделала существование церкви и как национального института ненужным. При этом советизация нанесла удар не только буржуазным политическим партиям, она уничтожила самый класс крупной торгово-промышленной буржуазии, который был истинным проводником церковного влияния на деревню. Быстрый упадок в наши дни церкви понятен и неизбежен. В этом отношении „айастоц еке-гечи“ (армянская церковь) разделяет участь других восточных христианских церквей, не только грузинской, но и, напр., румынской, болгарской, сербской, греческой, также превратившихся в националистические „миллеты“ и переживающих теперь период явного умирания.

Но более быстрый темп развития этого процесса в Нагорном Карабахе объясняется еще и специфическими местными причинами. Прежде всего, Карабах никогда не принадлежал к центрам армянской культуры. Церковь не могла проявлять среди обармянившихся потомков народов Агвании того культурного влияния, какое она проявляла хотя бы в Сюнике в эпоху нахарарства Орбельянов и после них. Церковь не могла здесь играть и роли защитницы от тюркомусульманских завоевателей, при наличии в Карабахе армянских ишханов, меликов и агаларов. Гражданская война в Карабахе между дашибакутюнами и мусаватистами 1918—1920 г.г. встречала здесь значительное противодействие со стороны городских рабочих—выходцев из карабахской деревни, находившихся под влиянием сильных здесь организаций коммунистической партии. Наконец, Шуша—этот центр торговцев и церковников—по милости дашибакутюнов и мусаватистов разрушен. Немудрено, что закрытие церквей здесь началось еще до советизации.

IV.

Разрушение церковной веры, как мы отмечали, не повлекло за собой падения дохристианской веры карабахского крестьянина.

Какова же эта вера? Ее составные части очень многообразны. Здесь мы встречаемся не только со следами многих скрещивающихся влияний, с синcretизмом, но и с элементами идеологии разных стадий исторического развития. Охват их представляет немалые трудности: он вызывает необходимость тщательного изучения социального строя карабахской деревни, его консервативных, архаических форм, пережитков патриархально-родового строя; здесь нужна своего рода социальная палеонтология. Затем, значительная часть карабахскихселений населена переселенцами, выходцами из персидского Ка-